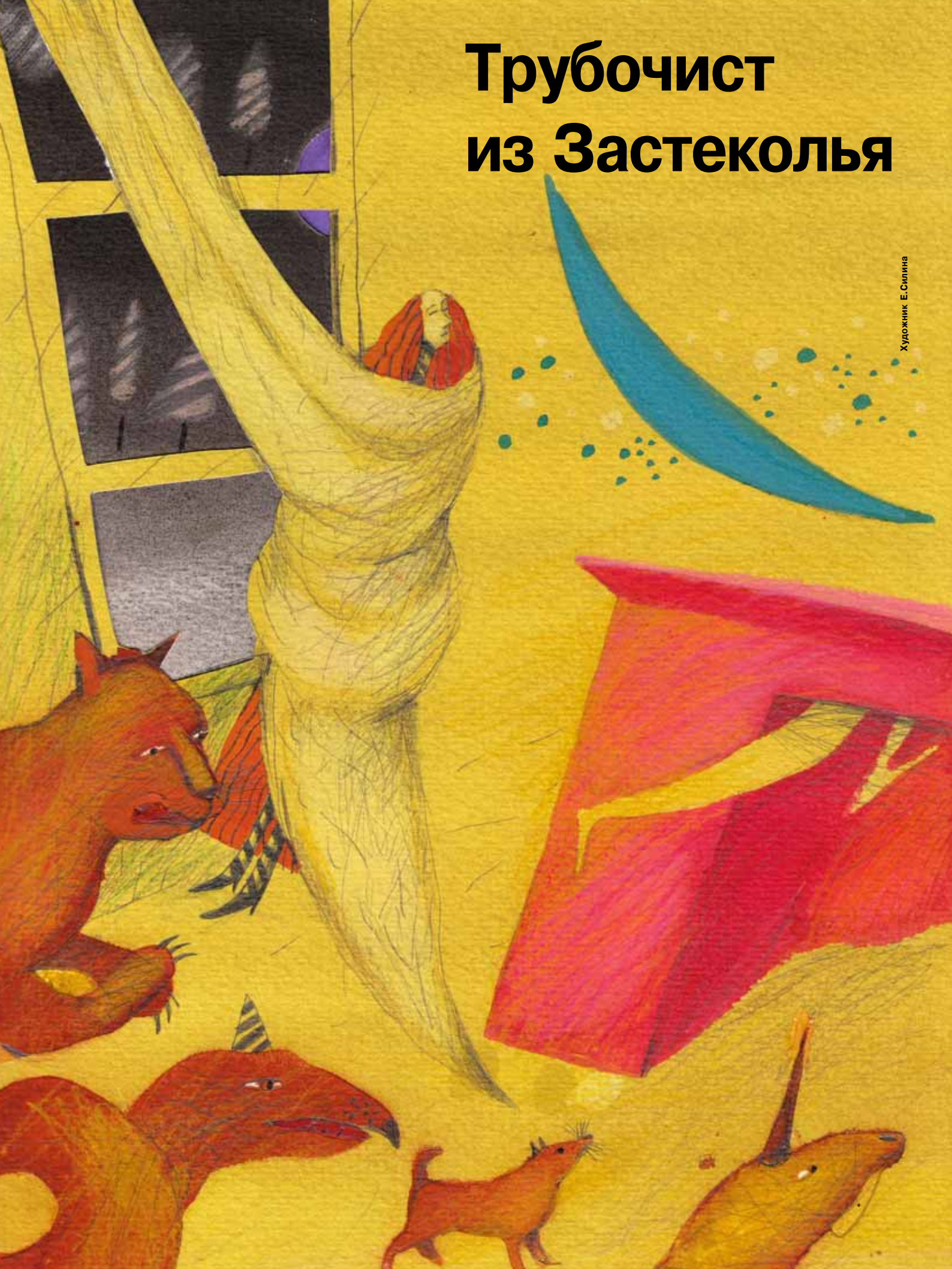

Трубочист из Застеколья

Художник Е. Сиглина

Стена стояла столько же, сколько стоял замок. А сколько стоял замок, точно никто не знал. Но наверняка очень долго: увешанные портретами прежних хозяев галереи были таким длинными и запутанными, что поговаривали, будто в них можно навсегда заблудиться.

Самым близким другом Кристины была сероглазая кукушка, что жила в резном домике над часами с блестящим маятником, висевшими на толстой каменной стене. Девочка с нетерпением ожидала каждого появления птицы. Кукушка не подводила — она выглядывала из-за крохотной дверцы каждый час и непременно куковала.

Кроме кукушки, у Кристины была собственная комната с высокими узкими окнами без портьер, круглый аквариум без рыбок, нарядный ошейник без щенка, крепкие сны без сновидений и большая семья без мамы. А еще — круглолицая нянюшка Луиза, служанка-ровесница Ханна и длинные бусы из переливчатого жемчуга.

Бусы ей подарили на восьмой день рождения.

— Это украшение я преподнес своей покойной супруге в день нашей свадьбы, — разглагольствовал отец Кристины за шестым кубком вина, и две сотни гостей почтительно внимали хозяину замка. — Жемчуг привезли из заморских стран, а нить, на которую он нанизан, такая крепкая, что ее просто невозможно порвать!

Гости бурно заплодировали, когда молодой, красивый хозяин замка, предмет воздыханий всех присутствующих дам, не глядя повесил дорогое украшение дочери на шею.

Вместе с бусами папа подарил ей жениха, тринадцатилетнего Рудольфа. Ни жених, ни бусы Кристине не нравились. Жених — потому что нескладный, и губы у него слюнявые и липкие: это девочка узнала, когда под грозным взглядом своего дядюшки Рудольф нехотя поцеловал руку новоиспеченной невесте. Бусы — потому что нить, на которую нанизаны жемчужины, и впрямь не рвется, даже под тяжестью висящего на ней взрослого человека. А вот если бы рвалась, тогда у Кристины по-прежнему была бы мама.

К сожалению, девочка не имела возможности избавиться ни от бус, ни от жениха, несмотря на все свое желание. И это казалось ей ужасно несправедливым. Не так уж и много у нее желаний на самом-то деле: чтобы были щенок, рыбки, цветные сны и мама. Еще она мечтала выпустить из резного домика сероглазую птичку — Кристина любила свою подружку, но ей отчего-то казалось, что кукушка несчастна в красивом жилище над часами.

Теперь вот ей еще хотелось, чтобы исчезли и бусы, и жених. Ну, бусы, положим, она может спрятать куда-нибудь. С Рудольфом сложнее — его в темном сундуке не запрешь. И папу не отговоришь; в свои взрослые восемь лет Кристина хорошо понимала, что дочь хозяина замка — это не просто слова, это почти что должность. К долж-

ности всегда прилагается масса обязанностей. А к дочери хозяина замка — муж.

Нянюшка Луиза как могла старалась утешить Кристину, когда та вернулась после праздничного пира в честь своего дня рождения и помолвки:

— Ничего, деточка, ничего. Твоей маме исполнилось всего четыре года, когда ее сговорили с твоим папой. И, видишь, все у них было хорошо.

Кристина ей не поверила:

— Если у мамы с папой было все хорошо, тогда почему же мама...

Нянюшка приложила к глазам платок.

— Ой, доченька, нелегко это — быть хозяйкой такого замка, понимаешь? — пробормотала она и, всхлипнув напоследок, вышла из комнаты.

Кристина понимала. Только нянюшка не совсем права. Тяжело быть не хозяйкой замка — тяжело быть женой хозяина замка. Девочка много раз видела, как отец после частых пиров и балов гулял с розовощекими красавицами по самым темным, самым запутанным и далеким коридорам замка, а мама в каскаде кружев и россыпи драгоценных камней оставалась во главе стола, по правую руку от пустующего кресла мужа, продолжая как ни в чем не бывало играть роль хозяйки... Должность жены хозяина замка тоже подразумевала массу обязанностей.

Вот интересно, каковы обязанности мужа дочери хозяина замка? Кристина представила себе, как отдает распоряжение Рудольфу:

— Принеси мне щенка! Покорми рыбок! Выкинь эти противные жемчужные бусы! А потом иди и спрячься где-нибудь, чтобы я тебя никогда больше не видела!

Девочка улыбнулась своим мыслям. В это время из резного домика показалась ее сероглазая подружка.

— Ку-ку,—грустно сообщила она и продолжила:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку.

— Ты так считаешь?—спросила Кристина у птички.

— Ку-ку, — серьезно кивнула кукушка и скрылась в своем домике.

Да, об этом девочка как-то не подумала. Значит, когда их с Рудольфом поженят, то именно он станет хозяином замка. А она — его женой. Как мама...

Кристина схватила толстоногую табуретку, подтащила к узкому окну и выглянула наружу. У ворот громко скрипели подъемные цепи — в замке наступил час разводных мостов. За аметистовыми горами неторопливо укладывалось спать спелое, как вишня, солнце. Одичавший парк, кольцом окружавший замок, уже погрузился в сиреневый кисель сумерек. Над прижавшейся к горизонту деревенской поднимались тонкие струйки дыма.

Кристина попыталась представить себе, как выглядит деревня. Это выходило у нее с трудом. Но все равно луч-

ше, чем попытки нарисовать в воображении, что может находиться за горизонтом. Девочка никогда не бывала за пределами парка — не могла побывать, даже если бы захотела. Потому что парк был огорожен невидимой стеклянной стеной, за которой во все стороны раскинулось манящее Застеколье.

С самого раннего детства Кристина полагала, что тот, кто построил замок со стеной, был волшебником. Иначе как объяснить необычные свойства стеклянной преграды? Стена не пропускала наружу никого, кто состоял в родстве с хозяевами замка. Тех, кто на них работал, — тоже. Все прочие могли пройти сквозь нее совершенно спокойно, правда, только в одном-единственном месте, которое окрестили «стеклянной дверью», хотя, конечно, никакой двери там не было. Да и никто не позволял им проходить сквозь нее беспрепятственно: у стеклянной двери день и ночь караулила стража, и в замковые владения и из них пропускали только по специальным разрешениям.

Девочка частенько убегала из замка и подолгу гуляла вдоль невидимой стеклянной стены, глядела на небольшой кусочек Застеколья, наблюдая за бродившими в окрестностях пастухами и охотниками. Она завидовала этим людям — мир Застеколья казался ей чудесным местом, где каждый может пойти куда угодно и когда угодно, где не нужны аквариумы, потому что есть озера, в которых плавают рыбки, а голосистые сероглазые кукушки живут в лесах.

— Когда подрастешь, тогда поймешь все выгоды нашего положения, — торопливо отмахнулся от нее отец, когда однажды она заговорила с ним на эту тему... Вот странно: чем старше становилась Кристина, тем меньше времени оставалось у отца для нее. В его окружении появились отчаянно молоденькие девицы, хотя в черной шевелюре—серебристые волосы.

Кристина росла и из года в год терпеливо ждала, что вот-вот разгадает тайну замка, увидит те самые выгоды, о которых дружно твердили ее родственники. Но время шло, а девочка по-прежнему не понимала, почему так спокойны обитатели замка и почему столько посторонних людей стремится попасть к ним, чтобы добровольно заключить себя в эту стеклянную тюрьму. Неужели их не угнетает однообразная жизнь в замкнутом пространстве? Неужели совсем не хочется побывать за пределами прозрачной стены? Неужели ни капельки не любопытно?

Самой Кристине, например, было очень любопытно. Особенно после того, как в тринадцать лет она впервые встретилась с самым настоящим человеком из Застеколья.

В тот день дочка хозяина замка сидела на широком подоконнике в бальной зале, кутаясь в плотные портьеры. На мраморном полу под роскошной хрустальной люстрой дремало черное фортепиано, в высоких потолках прятались случайно заглянувшие сюда лучи солнца. Кристина прижалась лбом к оконному стеклу и следила за кружившей над замком птицей.

И тут в дальнем углу залы послышался шум. Девочка раздвинула портьеры и увидела, как из жерла просторного камина вылез невысокий мужчина неопределенного возраста с перепачканным лицом, в грязно-черном котелке, потертом черном сюртуке, с длинной щеткой под мышкой.

— Вы кто? — с любопытством уставилась на незнакомца Кристина.

— Трубочист, — ответил он, вытащил из каминной трубы лесенку, повесил ее через плечо и вежливо приподнял котелок. — А вас как зовут?

— Ой! — От удивления девочка раскрыла рот. В замке ее знали абсолютно все — на то она и дочка хозяина.

— Вы не знаете, кто я? — уточнила Кристина на всякий случай.

— Уважаемая барышня, — улыбнулся в ответ трубочист, — прошу прощения, я пришел в замок сегодня утром и еще ни с кем не успел познакомиться. Но буду счастлив исправить эту оплошность. Так как вас величать?

— Кристина, — машинально ответила девочка, думая о своем. — Вы что — из Застеколья?

— Простите, откуда?

— Из Застеколья.

— Никогда не слышал, — признался трубочист. — А что это?

— Садитесь. — Кристина подвинулась, освобождая место новому знакомому. — Я расскажу вам. Но, чур, потом — вы мне. О Застеколье.

...Трубочист сделал то, с чем не справлялось воображение Кристины. Он отодвинул горизонт, который до этого заканчивался для нее едва видимой деревенькой. Перед глазами девочки появлялись старинные города, горные реки, шумные порты и парусные корабли, смело пересекающие бескрайние моря. Она увидела людей, которые жили в сказочном и прекрасном огромном мире и даже не подозревали, каким богатством владеют.

Развернувшаяся перед ней картина поселила в Кристине отчаянное желание стать трубочистом. Она будет путешествовать из дома в дом, из города в город. Она будет чистить камин и каждый день встречаться с новыми людьми. Вот это была бы жизнь!.. Кристина старалась не отравлять себе удовольствие, не думать о том, что ее мечта несбыточна.

А через два часа она проводила трубочиста к стеклянной двери и, прижавшись носом к прозрачной стене, с грустью наблюдала, как за поворотом дороги исчезает невысокая фигура в черном котелке.

— Фи! — скривила носик ее двоюродная тетя, когда пару лет спустя на каком-то пиру Кристина случайно обмолвилась, что хотела бы хоть разок побывать в Застеколье. — У нас здесь замечательный мир. Особенный. Богатый. Роскошный. Для избранных. Зачем тебе Застеколье? С меня вот довольно и того, что я знаю о серости и убогости. Смотреть на это у меня нет никакого желания.

— Но почему же ты так уверена, что там только серость и убогость? — удивилась Кристина. — Наверняка там есть красивые места и очень интересные люди.

— Кто тебе это сказал? Все люди, которые хоть что-то собой представляют, находятся здесь, — безапелляционно отрезала нарядная, надушенная тетя. — Остальные меня не интересуют. И вообще — ты же прекрасно знаешь, что еще ни одному обитателю замка не удавалось выбраться за стену. Да и зачем? Здесь лучше всего!

— Ну откуда ты знаешь, что здесь лучше всего, если ты больше ничего на свете не видела?

Тетя смерила Кристину строгим взглядом, с треском сложила узорный веер и решительно сообщила:

— Советую выбросить эту чепуху из своей хорошенькой головки. Посмотреть на Застеколье — ну это надо же та-

кое выдумать? Тебе скоро шестнадцать лет, свадьба на носу, а ты размышляешь о какой-то ерунде.

Кристина нахмурилась — о свадьбе она предпочитала не думать. Двадцатилетний Рудольф за прошедшие годы в лучшую сторону не изменился. Все такой же нескладный, все такие же слюнявые губы, которыми он вяло прикладывался к ее руке под грозным взглядом дядюшки. Он даже стал хуже: зачем-то обзавелся коротким хлыстиком, начинал глупо хихикать и заикаться после второго кубка вина, а еще нередко тащил приглянувшихся ему служаночек под ближайшую лестницу.

— Ханна, как ты думаешь, я могу не выходить за него замуж? — не раз спрашивала Кристина.

Служанка тихонько вздыхала и прятала глаза, делая низкий реверанс. Ее красноречивому молчанию печально вторила сероглазая кукушка.

Вот если бы убежать из замка! Будь у нее хоть малейшая возможность, Кристина бы тотчас ушла — не раздумывая и не оглядываясь. Но стеклянная стена была надежна, девушка не раз испытывала на ней силу своих кулачков и крепость валявшихся на земле камней. В конце концов она вынуждена была признаться себе, что, видимо, уйти из замка можно только одним способом. Тем, которым когда-то ушла ее мама.

На деревьях распускались нежные бледные листья, сероглазая подружка хандрила и все чаще не куковала, а кашляла. Кристина с тревогой прислушивалась к хриплому голосу птички и, глядя на крохотные листики, с тоской думала о том, что, когда они пожелтеют, к должности «дочь хозяина замка» у нее добавится «жена будущего хозяина замка».

Вообще-то, пока жив ее отец, Рудольф не станет хозяином. Но если пару лет назад Кристина не сомневалась, что отец будет управлять замком еще очень долго, то теперь уже не была так уверена. Отец не расставался с кубком, и вместо стайки жеманных дам за ним ходил виномачерпий. Некогда веселый и красивый мужчина обрюзг и потемнел, а глаза, в которых прежде горел огонь, стали безразлично-зеркальными.

Чем ближе к свадьбе, тем тревожнее становилось у девушки на душе. В кронах деревьев появились редкие желтые листья, нянюшка Луиза слегла в горячке, а Ханна и вовсе куда-то исчезла. Рудольф, раньше едва замечавший Кристину, теперь провожал ее липким, как и его губы, взглядом. Нескладный жених поигрывал своим коротким хлыстиком, довольно ухмылялся и смотрел на Кристину как-то по-хозяйски. В такие моменты девушка непроизвольно проводила рукой по горлу: ей казалось, будто в шею впиваются перламутровые жемчужины бус на нити, которую невозможно порвать...

Когда до свадьбы осталось всего две недели, сероглазая кукушка тихо сгорела от мучившей ее последние месяцы чахотки. Девушка подтащила толстоногую табуретку к домику своей подружки и, осторожно приоткрыв дверцу, заглянула внутрь. Маленькая птичка печально смотрела на нее застывшими серыми бусинками. Кристина осторожно накрыла ее мягким платком, а потом долго плакала под часами с остановавшимся маятником и жалела, что так и не смогла подарить своей подружке свободу.

Зато на следующий день из окна бальной залы Кристина увидела невысокую фигуру в черном котелке со склад-

ФАНТАСТИКА

ной лестницей через плечо, и у нее в душе отчего-то вспыхнула надежда. Чумазый трубочист стоял во дворе замка, задрал голову, и разглядывал верхние этажи. Увидев девушку, он просиял и отсалютовал ей длинной щеткой в густой черной саже.

С трубой большого камина он справился за каких-то тридцать минут, а потом до самого часа разводных мостов сидел рядом с Кристиной на подоконнике.

Быть может, в прошлый раз Кристина слышала и видела только то, что хотела слышать и видеть. А быть может, она просто повзрослела. Но в этот раз девушка заметила, что трубочист гораздо старше ее отца: под потертым котелком скрываются пепельные волосы, а руки, сжимающие длинную щетку, узловатые, сухие и в темных пятнышках.

Да и истории трубочиста теперь не походило на сказку. Бесцветным глуховатым голосом он неторопливо рассказывал о портовых побирушках и странствующих лицедеях, о кровопролитных войнах и жестоких восстаниях, о мудрых правителях и бесстрашных моряках-первопроходцах, о лицемерных священниках и хитрых коммивояжерах, о голоде и лишениях, о засухах и наводнениях, о поддержке и благородстве, о жадности и подлости, о фейерверках и базарах, храмах и трущобах. В общем, о жизни Застеколья. Далеко не всегда красивой и беспечной, часто суровой и несправедливой. Но зато — настоящей.

Как не хотела Кристина в этот раз отпускать трубочиста!

— Останься в замке, пожалуйста! — попросила она.

— Нет, — покачал головой трубочист. — Я пока еще не так стар, чтобы осесть на одном месте. Да и честно тебе сказать, если б я и решил бросить свое дело, то выбрал бы угол получше, чем этот замок. Слишком уж он... — Тут трубочист замялся, безуспешно пытаясь подобрать подходящее слово.

— А ты представь себе, каково мне здесь, — внезапно всхлипнула Кристина. — Я ничего не могу, и все так плохо! Нянюшка болеет, Ханна куда-то пропала, отец пьет, мамы нету. И даже кукушка умерла.

Седой трубочист осторожно погладил расстроенную девушку по голове.

— Я буду тебя навещать, — пообещал он. — Пойдем, проводи меня.

Через четверть часа Кристина грустно смотрела, как стражник пристально изучал документы трубочиста, и в душе у нее становилось пусто.

Голос трубочиста вывел ее из печальной задумчивости:

— Кристина, скажи мне, почему ты хочешь уйти?

Девушка собралась было снова повторить про больную нянюшку, пьяного отца, пропавшую служанку, ненавистную свадьбу и мертвую кукушку. Но вместо этого просто сказала:

— Мне здесь очень плохо. А изменить что-либо не в моих силах. Потому я и хочу от всего этого убежать.

Трубочист взял бумагу, которую вернул ему стражник, за-
сунул в карман грязно-черного сюртука и таинственным ше-
потом, будто поверяя Кристине страшный секрет, сообщил:

— Если сквозь стену не пройти, то надо или разрушить
ее, или прорубить в ней дверь. Только для этого требуется
много сил.

— Я не могу пройти сквозь эту стену, потому что я в
родстве с хозяином замка, — жалобно протянула Кристи-
на и со злостью стукнула кулачком по стеклу.

Трубочист посмотрел на девушку, поправил на плече
лесенку, потом кивнул на прощанье и шагнул через стек-
лянную дверь, едва слышно пробурчав:

— Разрушать стены, которые мы строим себе сами,
сложнее всего.

До свадьбы оставалась всего неделя, когда неожиданно на-
шлась пропавшая больше месяца назад Ханна. Рано поутру
Кристина бродила вдоль стены, разглядывая просыпающее-
ся поле, и размышляла над прощальными словами трубочи-
ста, как вдруг услышала плач, такой горький, что все соб-
ственные беды вмиг показались ей мелочью.

Раздвинув тяжелые ветви деревьев, Кристина увидела
Ханну. Служанка изо всех сил колотила кулаками по рав-
нодушной прозрачной стене и выкрикивала сквозь истош-
ный плач отчаянные проклятья.

— Ханна, Ханночка, что такое? Что случилось? — кину-
лась к ней Кристина.

Служанка затравленно обернулась.

— Отпустите меня! Ну, пожалуйста, отпустите!

«Да если бы я могла», — грустно подумала Кристина.
Она обняла служанку и повела ее к замку. Там отыскала
темный закуток недалеко от кухни, напоила Ханну водой,
дождалась, пока она немного успокоится, и стала остро-
жно выпрашивать, что же произошло.

Глаза служанки немедленно наполнились злыми слезами.

— У меня будет ребенок.

— Так это же... э-э... здорово? — неуверенно произнес-
ла Кристина. — А кто отец?

— Рудольф, — с ненавистью выплюнула Ханна.

Из темноты показался рыжий парнишка с угрюмым вы-
ражением лица и встал рядом со служанкой.

— Ты кто? — обратилась к нему Кристина. Парнишка ей
был смутно знаком. Кажется, один из конюхов.

Тот поднял на девушку хмурый взгляд.

— Ян, — ответил он. — Я ее брат.

— А где же ты пропала последний месяц? — вспоми-
нала Кристина.

Служанка всхлипнула.

— В свинарнике. Рудольф меня туда отправил, когда
узнал о том, что я... И еще сказал, что если хоть раз меня
увидит, то прикажет высечь.

Кристина схватилась за голову. Брови Яна хищно со-
шлись на переносице, рот сжался в жесткую линию, рез-
ко обозначились скулы.

— Я убью Рудольфа, — едва слышно, почти про себя
сказал он и добавил: — А потом уйду.

— Ну вот что, Ханна, — распорядилась Кристина. — Немед-
ленно перебирайся ко мне, а с Рудольфом я разберусь сама.

Служанка тихо заплакала.

— Что он себе позволяет! — возмущалась Кристина. —
Я решаю, где быть моим слугам. Да кто он такой? В кон-
це концов, я дочь хозяина замка!

— А он скоро будет вашим мужем, — горько вздохнула
Ханна.

Кристина поникла. Да, скоро он станет ее мужем. И
хозяином замка.

Тело Рудольфа нашли под крепостной стеной у самого
рва. Это было за два дня до свадьбы. На лице жениха
застыло выражение детского недоумения и обиды, а в
руке был зажат хлыстик.

Кристина наотрез отказалась облачаться в траур.

— Я не собираюсь демонстрировать фальшивую скорбь, —
набравшись храбрости, заявила она отцу. Отекший хозяин
замка протрезвел от неожиданности, и в его равнодушно-
зеркальных глазах промелькнуло удивление. Кажется, он
впервые заметил, что его дочь выросла.

Вскоре отыскались свидетели, которые видели, как какой-
то рыжий мальчишка-конюх столкнул жениха Кристины с кре-
постной стены. Отряды стражи дважды прочесали весь за-
мок, от подвалов до чердаков, и трижды — одичалый парк
вокруг крепостной стены. Убийцу Рудольфа не нашли. Вме-
сте с конюхом пропала и Ханна.

Когда стало ясно, что этих двоих нет, замок и все его
обитатели будто вымарали Яна с Ханной из своей памя-
ти. Слово и не было никогда конюха и его сестры.

Кристина вспоминала сурово сдвинутые брови на уг-
рюмом лице молоденького парнишки и едва слышные
слова: «Я убью Рудольфа, а потом уйду». Неужели и впрямь
ушел? И забрал с собой Ханну? Как он это сделал?

Прошло чуть больше года. Хозяин замка окончательно
забросил гостей, пиры, турниры, дам и не расставался с
кубком. Со временем и челядь, и многочисленные обита-
тели стали все чаще обращаться по поводу текущих дел
к его восемнадцатилетней дочери. Кристина поначалу не
хотела иметь никакого отношения к управлению ненави-
стным замком. Потом ужасно боялась, что принимает
неправильные решения. Но в конце концов втянулась. И
в один прекрасный день поняла, что, формально не полу-
чив должности хозяйки замка, на деле ею уже стала.

Отец едва ли замечал происходившие перемены — он
будто с головой погрузился в неиссякаемый винный ку-
бок. Однако это не помешало ему отыскать своей дочери
еще одного жениха. Да такого, что Рудольф рядом с ним
казался самым настоящим волшебным принцем.

Густав был старше отца Кристины на целых десять лет.
Лысый мужчина часто облизывал тонкие губы, его глаза
маслянисто поблескивали над толстыми щеками, и на
левой руке у него было шесть пальцев.

— Неужели ты не мог найти никого получше? — в ужасе
обратилась Кристина к отцу.

— У него очень высокое положение, — только и пробормо-
тал он в ответ и поманил к себе виночерпия.

Привычка беспрекословно подчиняться решениям хо-
зяина замка боролась в девушке с возмущением.

— Ну, что тебе еще? — осведомился отец, оторвавшись
от кубка. — Иди, готовься к свадьбе.

Кристина бросилась к себе в комнату, взобралась на табу-
ретку и долго плакала, прижавшись щекой к домику, из кото-
рого уже давно не раздавалось знакомое «ку-ку». После по-
бежала к стеклянной стене и замолотила по ней кулаками:

— Выпусти меня! Ну пожалуйста, выпусти!

Потом она обессиленно опустила на землю и долго

сидела, прижавшись лбом к холодному стеклу. Горькие мысли окружили ее стайей голодных волков. Давно уже пора смириться с тем, что она никогда не выйдет за прозрачную стену. Смириться — и научиться жить здесь.

Казалось, прошла вечность, пока Кристина неподвижно сидела у стеклянной стены, прощаясь с Застеколем, в котором ей так и не довелось побывать. Когда девушка наконец встала и еще раз обвела взглядом аметистовые горы, поле и жмущуюся к горизонту деревушку, плечи ее были расправлены, а голова высоко поднята. Что-то изменилось в ее лице — словно вместе с мечтами о Застеколье она распрощалась с какой-то частицей мягкости, красоты и наивности.

Уже темнело, когда Кристина, плотно сжав губы и стиснув кулачки так сильно, что побелели костяшки пальцев, направилась на поиски отца. Она нашла его в спальнях покоях — тот небрежно развалился на мягком диване и прикладывался к любимому кубку. Когда-то красивое лицо отца расплылось, щеки нездорово опухли, под налитыми кровью глазами появились мешки.

— Что? — буркнул он, подняв на дочь равнодушно-зеркальный взгляд.

Под ложечкой вдруг отчаянно засосало, пальцы рук заледенели и онемели, а сердце забилось с той же силой, с какой девушка колотила по стеклянной стене. Кристина на секунду крепко стиснула зубы, чтобы хоть как-то унять дрожь, а потом заявила:

— Я не выйду за Густава.

— Да кто тебя спрашивает? — хрюкнул в ответ отец. — Я хозяин замка. Как я сказал, так и будет.

— Ты хозяин только над своими кубками и бутылками. А в замке хозяйка уже давно я. И ты не заставишь меня выходить замуж, — ответила Кристина и, поймав тяжелый взгляд отца, прищурилась и решительно вздернула подбородок. А когда тот опустил глаза, резко повернулась и вышла.

Хозяин замка смотрел дочери вслепую и уж было собрался подняться, чтобы догнать ее и поставить на место, но вместо этого потерянно махнул рукой и приложился к кубку.

Когда к замку подъехал кортеж Густава, Кристина распорядилась объявить час разводных мостов.

— Но ведь сейчас полдень, — удивился начальник караула. Встретился взглядом с Кристиной, а потом, словно разглядев что-то, опустил глаза и отрапортовал: — Будет исполнено!

И тяжелые цепи громко заскрипели, поднимая навесной мост надо рвом.

Густав остался на противоположной стороне. Он потрясал пухлыми кулаками и кричал, что так этого не оставит. Тогда Кристина вышла на крепостную стену и крикнула своему несостоявшемуся жениху:

— Убирайся восвояси, пока я не скомандовала страже проводить тебя.

Больше Густав не появлялся...

Кристина разогнала толпу гостей, перестала давать ежедневные балы и наняла хорошего доктора — следить за здоровьем отца. В бальной зале на верхнем этаже, где под хрустальной люстрой одиноко грустило фортепиано, а камин в углу ждал трубочиста, она распорядилась соорудить библиотеку и выписала множество книг. Еще новая хозяйка разослала гонцов в разные города, приглашая в замок лицедеев, путешественников и звезд

ФАНТАСТИКА

дочетов. Она достала со дна пыльного сундука жемчужные бусы и выбросила их в глубокий ров, завела себе щенка и рыбок в аквариуме и стала видеть цветные сны.

А вот новую кукушку она заводить не стала.

Теперь к стеклянной стене девушка ходила редко. Прозрачная преграда по-прежнему была на месте, отделяя замок от манящего Застеколья, но Кристина больше не грустила — ведь все Застеколье было уже у нее в замке.

Кристина была так занята хлопотами, что едва не пропустила появление в замке трубочиста. За прошедшее с последнего визита время его волосы совсем побелели и явно поубавилось сил: с трубой камина, которую в прошлый раз он вычистил за полчаса, в этот раз понадобился почти весь день.

— Оставайся у нас, — предложила ему Кристина.

Трубочист молча смотрел на нее, где-то в самой глубине его бесцветных глаз пряталась улыбка.

— Я помню, ты говорил, что лучше бы осел в другом месте. Но здесь очень многое изменилось, тебе понравится.

— Вижу, ты все-таки прорубила в стене свою дверь в Застеколье, — наконец кивнул старенький трубочист. — Я останусь.

...Через две недели Кристина собрала всех обитателей замка в огромной бальной зале, вывела за руку трубочиста и к огромному удивлению присутствующих и самого трубочиста объявила:

— Он будет управлять нашим замком. — Она услышала недоуменный ропот, обвела взглядом высокие стены залы, посмотрела в окно на аметистовые горы, поле и деревушку на горизонте, потом улыбнулась и закончила: — На время моего отсутствия.

Кристина вернулась в свою комнату, подтащила к часам с блестящим маятником табуретку, открыла дверцу резного домика и достала оттуда неподвижную кукушку. Затем облачилась в черный сюртук и потертый котелок, перекинула через плечо складную лесенку, зажала под мышкой длинную щетку, осторожно взяла в руку сероглазую подружку и решительным шагом направилась к стеклянной стене.

Дойдя до нее, Кристина остановилась. Обернувшись, бросила взгляд на высокий каменный замок. Затем осторожно раскрыла ладонь, что-то ласково шепнула крохотной птичке и высоко подбросила ее.

Кукушка расправила крылья и полетела над широким полем, оставляя позади каменный замок в кольце одичавшего парка. Сверху ей было хорошо видна маленькая фигурка в черном котелке, с лесенкой на плече и длинной щеткой под мышкой. Фигурка шагала по извилистой тропе в сторону прижавшейся к горизонту деревеньки.

